

УДК 340.1

САМОРЕГУЛЯЦИЯ В ПРАВЕ КАК ЭЛЕМЕНТ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ПОНИМАНИЯ ЕСТЕСТВЕННОГО СОЗДАНИЯ ПРАВА КАК СТРУКТУРНОГО КОМПОНЕНТА ПРАВТВОРЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

Елена ИВАНЕНКО,

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры конституционного права, истории и теории государства и права,
заместитель директора по учебной и методической работе
Учебно-научного института права имени князя Владимира Великого
Межрегиональной академии управления персоналом

АННОТАЦИЯ

В статье исследуется проблема рассмотрения на научной основе саморегуляции как составляющей части правового регулирования через призму понимания процесса естественного создания права как структурного компонента правотворческого процесса. Акцентируется внимание автора на том, что с учетом динамики общественных ситуаций, сознания и поведения людей должны применяться различные способы регулирования общественных отношений. Кроме того, аргументируется тезис о том, что в спектре норм правовых актов неизбежно будет увеличиваться удельный вес норм саморегуляции и одновременно расширяться поле саморегулирования, а данный процесс должен рассматриваться научным юридическим сообществом как демократизация права, а не его несостоятельность.

Ключевые слова: саморегуляция в праве, правовое регулирование общественных отношений, правотворческий процесс, процесс естественного создания права.

SELF-REGULATION IN THE LAW AS AN ELEMENT OF LEGAL REGULATION THROUGH THE PRISM OF UNDERSTANDING THE NATURAL CREATION OF LAW AS THE STRUCTURAL COMPONENTS OF THE LAW – MAKING PROCESS

Elena IVANENKO,

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Chair of Constitutional Law,
History and Theory of State and Law, Deputy Director for Academic and Methodological Work
of the Volodymyr the Great Educational and Scientific Institute of Law,
Interregional Academy of Personnel Management

SUMMARY

The article examines the problem of considering on a scientific basis self-regulation as a component of legal regulation through the prism of understanding the process of natural creation of law as a structural component of the law-making process. The author's attention is focused on the fact that, taking into account the dynamics of social situations, people's consciousness and behavior, various ways of regulating social relations should be applied. In addition, the thesis is argued that in the spectrum of norms of legal acts the proportion of self-regulation norms will inevitably increase and at the same time the field of self-regulation will expand, and this process should be considered by the scientific legal community as the democratization of law, and not its failure.

Key words: self-regulation in law, legal regulation of social relations, law-making process, the process of natural creation of law.

REZUMAT

Articolul analizează problema considerația pe o bază științifică de auto-reglementare, ca parte componentă a reglementării legale în lumina înțelegere a procesului de creare a unei legi naturale ca o componentă structurală a procesului legislativ. Atenția autorului se concentrează asupra faptului că, ținând cont de dinamica situațiilor sociale, conștiința și comportamentul oamenilor, ar trebui să se aplice diferite modalități de reglementare a relațiilor sociale. În plus, teza susține că în spectrul de standarde și acte juridice va crește în mod inevitabil ponderea standardelor de auto-reglementare și, în același timp, pentru a extinde domeniul de auto-reglementare, iar procesul ar trebui să fie luate în considerare danyj comunitatea juridică științifică ca democratizarea legii, mai degrabă decât nepotrivirea ei.

Cuvinte cheie: autoreglementarea în drept, reglementarea juridică a relațiilor sociale, procesul de elaborare a legii, procesul de creație naturală a legii.

Постановка проблемы. Следует заметить, что на сегодняшний день актуализируется противоречивость тенденций в правовой действительности общества, когда, с

одной стороны, наблюдается усиление необходимости правовой регламентации многих сторон внутренней и внешней жизни ввиду усложнения социальной жизни ввиду усложнения социальных-экономических и технологических

процессов, а также общественных взаимоотношений, а с другой – интенсификация заинтересованного участия социальных общностей и граждан требует более полного учета их инте-

ресов и стимулирования активности. В связи с этим объективно возникает вопрос о том, каким образом возможно оптимально сочетать неустанно растущий объем правового регулирования с использованием способов гибкой саморегуляции общественных отношений.

Актуальность темы исследования. В научной среде ни у кого не вызывает сомнения тот факт, что в правовой действительности имеет место постоянное противоборство государственной и самоуправленческой систем управления общественными отношениями. В институциональном плане речь идет о меняющемся соотношении государственной власти и самоуправления, то есть о перемене методов управления государственными и общественными делами. Таким образом, можно говорить о том, что политико-социальная мысль и общественная практика постоянно находятся в поиске баланса между этими главными доминантами. В этом контексте право превратилось в инструмент для реализации и удовлетворения интересов и целей одержавших победу сил. Поэтому в зависимости от «сегодняшнего тренда» вводится либо жесткое, либо мягкое регулирование, то поддержка, то смена правовых позиций и уход в сторону.

Состояние исследования. Следует констатировать тот факт, что на данный момент заявленная проблематика в специальной юридической литературе слабо исследована. Об этом свидетельствует тот факт, что до сегодняшнего дня в трактовке права, понимаемого в разрезе доктрин континентального нормативного права, преобладает акцент на выявлении природы правообразующего субъекта и в меньшей степени того, кто и как воспринимает, оценивает и реализует право. Между тем это очень существенно, поскольку создаваемые правовые модусы и намечаемые социально-правовые роли означают реальное правомерное, нейтральное и неправомерное поведение людей.

Целью и задачей статьи является осуществление попытки рассмотреть саморегуляцию как составляющую часть правового регулирования через призму понимания процесса естественного создания права как структурного компонента правотворческого процесса.

Изложение основного материала исследования. Действительно, нормативная регуляция общественных отношений является неотъемлемым компонентом жизнедеятельности любого социума. Причем социальные нормы, рассчитанные на должное и возможное поведение, исходят из признания ценностей и критериев оценки поступков людей: они либо усваиваются и переводятся в цели и мотивы поведения человека, либо соблюдается лишь внешняя оболочка нормативных требований, либо нормы реально нарушаются. Пересечение норм и индивидуальных актов поведения трудно обнаруживать. Да и сами нормы разнообразны – правовые нормы, нормы общественных организаций, нормы морали, обычаи, нравы и традиции. Эти правила являются способом передачи информации и закрепления ее в сознании и поведении людей. Нормы саморегуляции отличаются добровольным и заинтересованным отношением людей и соответственно мощными стимулами и мотивами [1, с. 252].

По этому поводу Г.В. Мальцев справедливо акцентирует внимание на таких моментах, как:

1) неверно будет понятие права в целом сводить вплоть до позитивного права, которое продуцирует государство;

2) в праве государственная власть, которая является вторичной по отношению к первичной органической власти, вытекающей из природы правоотношений, преимущественно пытается доминировать, вытесняя и замещая последнюю;

3) учитывая то, что современным правосознанием такое положение вещей воспринимается как аксиома, а многочисленная армия ученых, представителей этического позитивизма, используя весь арсенал средств, пытаются найти ему логическое обоснование, создается иллюзия того, что государство обладает полной монополией на формирование правовой сферы общественной жизни;

4) происходит тотальная экспансия государства в правовую сферу, что вызывает массовое искажение правовых ориентиров субъектов общественных отношений, у которых формируется стойкое убеждение в том, что все, что имеет отношение к праву должно обя-

зательно создаваться, санкционироваться и апробироваться государством [2, с. 302].

Ряд теоретиков в области права убеждены в том, что мощное желание государства в лице своих должностных лиц и политиков осуществлять безграничное влияние на процесс создания позитивного права, не должно приводить к отождествлению таких понятий, как положительное и установленное государством право. По этому поводу они замечают, что: создание положительного права не являются исключительной прерогативой государства, поскольку нормы права могут также устанавливаться органами местного самоуправления или обществом [3, с. 18]; правовое регулирование является органическим сочетанием государственного регулирования и саморегуляции, то есть регулирование, которое осуществляется непосредственными адресатами права в пределах, разрешенных государством [4, с. 111].

Следует обратить внимание на то, что в сегодняшних условиях происходит формирование нового типа правовых норм – актов самоуправления, которые обладают такими существенными признаками, как самообязательства, то есть совпадение круга лиц, принимающих и исполняющих решения; в основе принятия и реализации решений – собственно сознательное волевое желание и заинтересованность; коллегиальный характер; формулировка общей воли на базе согласования публичных и частных интересов; самоответственность [5, с. 12]. Яркими примерами профессиональной саморегуляции являются многочисленные этические профессиональные кодексы. Например, Кодекс судейской этики, утвержденный XII очередным съездом судей Украины 22 февраля 2013 года, положения которого направлены на установление этических стандартов, связанных со статусом судьи, и принят на основе Конституции Украины, Закона Украины «О судостроительстве и статусе судей», с учетом статьи 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, согласно которой каждый имеет право на независимый и справедливый суд, Международного пакта о гражданских и политических правах, Основных

принципов о независимости судебных органов, одобренных резолюциями Генеральной Ассамблеи ООН от 29 ноября и 13 декабря 1985 года, Рекомендации по эффективному внедрению Основных принципов независимости судебных органов, одобренные резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН от 15 декабря 1989 года, Бангалорских принципов поведения судей, одобренных резолюцией Экономического и Социального Совета ООН от 27 июля 2006 года, Европейской хартии о законе о статусе судей, рекомендаций CM / Rec (2010) 12 Комитета Министров Совета Европы государствам – членам относительно судей: независимость, эффективность и обязанности [6]. Или Правила адвокатской этики, утвержденные Учредительным Съездом адвокатов Украины 17.11.2012 года, которые служат обязательным для использования адвокатами системой ориентиров при сбалансировании, практическом согласовании ими своих многообразных и иногда противоречивых профессиональных прав и обязанностей в соответствии со статусом, основных задач адвокатуры и принципов ее деятельности, определенных Конституцией Украины, Законом Украины «Об адвокатуре и адвокатской деятельности» и другими законодательными актами Украины, а также закрепляют единую систему критериев оценки этических аспектов поведения адвоката в дисциплинарном производстве квалификационно-дисциплинарных комиссий адвокатуры [7].

Кстати, можно сказать, что такого рода акты саморегуляции не редкость, а существуют практически во всех сферах общественной жизни. На самом деле определенные группы участников общественных отношений имеют неотъемлемое право в пределах, разрешенных законом, создавать собственные правила общественной жизни, которые являются обязательными для соблюдения всеми субъектами такого договора.

В поддержку необходимости признания самостоятельного характера актов саморегулирования выступил Ладьюр К.Х., который аргументирует это следующим образом: в условиях глобализационных и динамических процессов, которые сейчас происхо-

дят, формальное право теряет былую стабильность и становится неспособным выполнять свои функции; возникает естественная необходимость в переносе акцента в понимании права из совокупности норм права и рационального характера законодателя на практику правовых коммуникаций, в единстве которой эти правовые нормы приобретают свой правовой смысл; требует пересмотра традиционная теория источников права, признание правового плюрализма и введение в понятийный аппарат юридической науки таких понятий, как негосударственно-организованное право и негосударственно-организованный источник права и т.д. [8, с. 11].

Однако объективно возникает вопрос: будет юридически обоснованным считать указанный выше процесс, а именно саморегулирование, составной частью правового регулирования; можно ли в таком случае утверждать, что естественное создание права будет составляющей правотворческого процесса.

На сегодняшний день отсутствует единая позиция относительно того, является саморегулирование составной частью правового регулирования или нет. Однако мы придерживаемся мнения о том, что есть естественная потребность в просмотре старой научной доктрины, центральное место в которой занимает признание источником права, включая то, что производится государством; в признании концепции юридического позитивизма недостаточной для качественного и современного развития цивилизованного государства и права [9, с. 54]. По этому поводу подходящими являются позиции Марченко М.Н. и Осипова М.Ю., которые считают, что государство обладает исключительным правом на создание законов, однако не права, поскольку правотворчество и законотворчество не всегда совпадают [10, с. 343], а правовое регулирование может осуществляться на разных уровнях: международном, общегосударственном, региональном, местном, локальном и индивидуальном [11, с. 13], соответственно.

Заслуживает внимания мнение Лескова Ю.Г., который имеет следующую позицию относительно сущности саморегулирования и его места в правовом

регулировании, а именно: саморегулирование является видом правового регулирования, частью негосударственного правового регулирования; саморегулирование характеризуется самостоятельностью и инициативностью деятельности субъектов правоотношений для достижения собственных целей в рамках действующего законодательства, направленной на упорядочение определенных общественных правоотношений путем создания определенных правил и предписаний; при саморегулировании субъекты правоотношений, поведение которых регулируется, собственноручно имеют возможность осуществлять законное и оперативное управление поведением субъекта регулирования, то есть акты саморегулирования принимаются теми же субъектами, в отношении которых они действуют (происходит сочетание в одном лице субъекта правотворческой и право реализационной деятельности); к сущностным признакам саморегулирования принадлежат равноправное положение субъектов правоотношений, автономия их воли и самоответственность, отсутствие каких-либо вмешательств со стороны государства [12, с. 132].

В подтверждение целесообразности выделения саморегулирования как вида правового регулирования Кашанина Т.В. утверждает, что общегосударственное регулирование, основанное на общем интересе, в большинстве случаев не в состоянии учесть интересы и потребности отдельных социальных групп, а следовательно, не во всех случаях является достаточным и эффективным. Учитывая это, она считает, что законодательство должно иметь определенную минимальную нижнюю границу регламентации поведения субъектов правоотношений, а все остальное пространство должно восполняться инициативной деятельностью указанных субъектов [13, с. 3]. Ученый, исходя из того, кому из субъектов правоотношений принадлежит право определения параметров деятельности, выделяет следующие виды децентрализации правового регулирования, а именно: на уровне государственных органов (местное), на уровне коллективов организаций (локальное), на уровне индивидов (саморегулирование) [14, с. 122].

Продолжая данную дискуссию, можно сказать, что для выявления саморегулирования в негосударственном правовом регулировании необходимо руководствоваться его существенными признаками, среди которых: его нормативный характер, то есть саморегулирование осуществляется в рамках государственного регулирования, которым определяются общие параметры взаимоотношений субъектов права, однако не дублирует его, ведь в процессе его осуществления происходит упорядочение неурегулированных либо не в достаточной мере урегулированных нормами действующего законодательства общественных отношений; характеризуется волевой автономией содержания (степенью проявления самоуправления, необходимого для эффективного принятия решений субъектами правоотношений) и собственной регулятивной функцией, акцентирует внимание на автономном характере саморегулирования относительно государства; в основе саморегулирования – взаимное согласие субъектов общественных отношений, которые подлежат упорядочению; распространение сферы саморегулирования на поведение тех субъектов правоотношений, которые по собственному желанию создают для себя определенные правила; для лиц, которые не включены в процесс саморегулирования, могут создаваться только права; субъекты саморегулирования обладают правотворческими полномочиями в пределах нормативного регулирования [12, с. 132].

Кроме того, следует обратить внимание на то, что саморегулирование как вид правового регулирования находится в прямой зависимости от действующего законодательства, поскольку отправной точкой процесса самоорганизации определенного вида общественных отношений является юридический факт. Как верно утверждает В.В. Залесский, для гражданского права процесс самоорганизации является чрезвычайно важным, учитывая чувствительность гражданских правоотношений к влиянию случайных факторов, а потому стабильности в правоотношениях можно достичь исключительно в случае сочетания четкости норм права и предоставления свободы в самоорганизации субъектам правоотношений [15, с. 86, 89].

По этому поводу Бранский В.П. выдвигает версию о том, что ответственным за самоорганизацию и ее движущим лейтмотивом является именно социальный отбор, основными факторами которого является тезаурус, детектор (то, с помощью чего избирается из числа тезауруса определенная бифуркационная структура, получает возможность превратиться из возможной в реальную) и селектор (объективный закон, в соответствии с постулатами которого осуществляется внутреннее взаимодействие в диссипативной системе), которые имеют такие существенные качества: первый – множественность диссипативных структур, которые потенциально возникают внутри определенной существующей в реальном измерении структуры в результате соответствующей бифуркации; второй – внутреннее взаимодействие элементов социальной системы, которое может происходить как в форме кооперации, так и конкуренции; третий – принцип устойчивости, в соответствии с которым определяется то состояние, в которое должна перейти система с тем, чтобы ее состояние по фактическим условиям приобрело оптимальную устойчивость, то есть собственное стремление к максимальной устойчивости по отношению к возможному воздействию со стороны внешних факторов реальной действительности обуславливают процессы иерархизации и деиерархизации диссипативных систем [16, с. 117].

Выводы. Резюмируя высказанное выше, хотелось бы сказать, что с учетом динамики общественных ситуаций, сознания и поведения людей должны применяться различные способы регулирования. Прогнозируемо, что в спектре норм правовых актов неизбежно будет увеличиваться удельный вес норм саморегуляции и одновременно расширяться поле саморегулирования. Данный процесс должен рассматриваться научным юридическим сообществом как демократизация права, а не его несостоятельность. Кроме того, априори неверным будет замыкать правовое регулирование только национальными рамками, когда в условиях глобализации происходит интенсивный процесс сближения и взаимовлияния национального и международного права.

Список использованной литературы:

1. Тихомиров Ю.А. Закон, стимулы, экономика. / Ю.А. Тихомиров. – М. : Юридическая литература, 1989. – С. 252–270.
2. Мальцев Г.В. Понимание права. Подходы и проблемы. / Г.В. Мальцев. – М., 1999. – С. 302.
3. Теория государства и права : учеб. пособие. В 2 ч. Ч.1. Теория государства / Н.А. Пьянов. – Иркутск : Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2011. – 220 с.
4. Теория права и государства / Под ред. В.В. Лазарева. – М., 1996. – С. 111.
5. Тихомиров Ю.А. Право и саморегулирование / Ю.А. Тихомиров // Журнал российского права. – 2005. – № 9. – С. 12.
6. Кодекс суддівської етики, затверджений XI черговим з'їздом суддів країни 22 лютого 2013 року [Електронний ресурс]. – Режим доступу : [http://court.gov.ua/userfiles/Kodex%20sud%20etiki\(1\).pdf](http://court.gov.ua/userfiles/Kodex%20sud%20etiki(1).pdf).
7. Правила адвокатської етики [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://vkdka.org/pravil-advokatskoji-etiki/>.
8. Поляков А.В. Теория права в глобализирующемся обществе: постмодернистская интерпретация / А.В. Поляков // Правоведение. – 2007. – № 4. – С. 11.
9. Василевич Г.А. Нормативные акты как источник Белорусского права: соотношение, действие, утрата юридической силы / Г.А. Василевич // Юридическая наука и образование. – 2008. – № 1 – С. 54.
10. Марченко М.Н. Проблемы теории государства и права / М.Н. Марченко. – М., 2001. – С. 343.
11. Осипов М.Ю. Правовое регулирование как динамическая система: понятие, структура, функции / М.Ю. Осипов. – М., 2008. – С. 13.
12. Лескова Ю.Г. Саморегулирование как негосударственное правовое регулирование / Ю.Г. Лескова. – Изд-во Грамота, 2011. – С. 133.
13. Кашанина Т.В. Децентрализация в правовом регулировании (структурный анализ) / Т.В. Кашанина. – М., 1992. – С. 3.
14. Кашанина Т.В. Индивидуальное регулирование в правовой сфере / Т.В. Кашанина // Советское государство и право. – 1997. – № 3. – С. 122.

15. Залесский В.В. Вероятность и самоорганизация в гражданском праве / В.В. Залесский // Журнал российского права. – 2005. – № 10. – С. 86, 89.

16. Бранский В.П. Теоретические основания социальной синергетики / В.П. Бранский // Вопр. философии. – 2000. – № 4. – С. 117.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Иваненко Елена Владимировна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного права, истории и теории государства и права, заместитель директора по учебной и методической работе Учебно-научного института права имени князя Владимира Великого Межрегиональной академии управления персоналом;

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ivanenko Elena Vladimirovna – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Chair of Constitutional Law, History and Theory of State and Law, Deputy Director for Academic and Methodological Work of the Volodymyr the Great Educational and Scientific Institute of Law, Interregional Academy of Personnel Management;

olena.ivanenko81@gmail.com

УДК 94(477)179/1920

ЖЕНЩИНЫ В СОСТАВЕ УКРАИНСКИХ СЕЧЕВЫХ СТРЕЛЬЦОВ: ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Оксана КНИГИНИЦКАЯ,

библиограф Научно-технической библиотеки Ивано-Франковского национального технического университета нефти и газа

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается участие женщин Галичины в составе боевых подразделений австрийской армии в период Первой мировой войны. Указано на правовые аспекты формирования структур Украинских Сечевых Стрельцов как национальных формирований австро-венгерских вооруженных сил, а также прослежена деятельность в войсках женщин: Софии Галечко, Олены Степанив и др. Рассмотрена деятельность женщин во вспомогательных военных подразделениях.

Ключевые слова: женщины в австрийской армии, Украинские Сечевые Стрельцы, София Галечко, Олена Степанив, Галичина.

THE WOMEN IN THE UKRAINIAN SICH RIFLEMEN: THEORETICAL AND HISTORICAL ASPECTS

Oksana KNIGINITSKAYA,

Bibliographer of Scientific and Technical Library of the Ivano-Frankivsk National Technical University of Oil and Gas

SUMMARY

The article examines the participation of Galician women in the fighting units of the Austrian army during the First World War. The legal aspects of forming the structures of the Ukrainian Sich Riflemen as national units of the Austro-Hungarian armed forces are pointed out, as well as the activity of individual women in the troops: Sofia Halechko, Olena Stepaniv and others.

Key words: women in the Austrian army, Ukrainian Sich Riflemen, Sofia Halechko, Olena Stepaniv, Galicia.

REZUMAT

Articolul examinează participarea femeilor galiciană la unitățile de luptă ale armatei austriece în timpul primului război mondial. Indicat privind aspectele juridice ale formării structurilor de ucrainene Sich carabinieri ca unitățile naționale ale forțelor armate austro-ungare, și urmărite, de asemenea, activitățile trupelor femeilor: Sofia Galechka, Oleny Stepanov și alții consideră activitatea femeilor în unitățile militare auxiliare ..

Cuvinte cheie: femeile din armata austriacă, ucigașul ucrainean Sich Riflemen, Sofia Galechko, Olena Stepaniv, Galicia.

Постановка проблемы. Одним из исследовательских направлений в украинской историко-теоретической науке является изучение роли женщин в истории Первой мировой войны путем формирования отдельных женских боевых подразделений. Женщины впервые начали принимать участие в воинских подразделениях накануне и в период войны: в Англии в 1917 г. был создан дополнительный женский армейский корпус, в котором уже в 1918 г. проходило службу около 40 тыс. женщин (из них 8 тыс. были иностранками); россияне и сербы

создали «женский батальон смерти» под командованием Марии Бочкарёвой, а вот во Франции и Германии женские корпуса не создавались [8], однако здесь женщины принимали участие в создании партизанских объединений. В Восточной Пруссии российские войска столкнулись с немецким партизанским движением. В первой партии пленных партизан (300 чел.) оказалось много женщин [9]. В немецком городе Вилленберге 70-летняя немка, которая потеряла на войне нескольких сыновей и внуков, поднялась с ручным пулеметом в руках на колокольню